

А.А. ГРИГОРЬЕВ О ХАРАКТЕРЕ РУССКОГО НАРОДА

В статье рассматриваются воззрения русского мыслителя середины XIX в. Аполлона Григорьева на процесс формирования русского народа как особой нации. Характер русского народа, по мнению мыслителя, складывался на протяжении многовековой истории и получил выражение в богатейшей культуре и искусстве. Григорьев отмечает следующие черты характера русского народа: отходчивость сердца, отсутствие упорства в злобе, всегдашнюю готовность к примирению, веру в Промысел и т. д.

Ключевые слова: народность, народная личность, нация, самобытная культура, душа народа, православие, духовная жизнь.

Творчество замечательного русского мыслителя А.А. Григорьева приходится на 40-е – начало 60-х годов XIX века. Именно к шестидесятым годам XIX века «русская мысль... – по словам В.В. Зеньковского, – достигает чрезвычайной высоты, выходит за пределы национальной культуры и становится постепенно фактором мирового значения. Конечно, зависимость наша от Запада сохраняется в это время, но все смелее развертываются синтетические устремления русского духа, все сильнее проявляется направленность к мировой экспансии» [11, с. 86]. Одновременно продолжается дифференциация в русской духовной жизни: наряду со славянофильством и западничеством появляются построения, синтезирующие их. К таковым может быть отнесено «почвенничество». Определяя место и значение почвенничества в русской духовной жизни, важно отличать его от появившихся почти в это же время новых течений, которые быстро получили название «народничества». Их появление после Крымской войны и отмены крепостного права свидетельствовало о желании сблизиться с народом, иногда даже слиться с ним, преодолеть социокультурный раскол общества как болезни всей послепетровской России. Появляется тип «кающегося дворянина». Главное же в народничестве – это стремление выступить от имени народа, выразить его интересы в пореформенный период, когда проявились первые результаты капиталистического развития, стали очевидны его противоречия и опасности. Не случайно поэтому, что и «мировоззрение «шестидесятников» внутренне противоречиво: позитивизм сочетается здесь с «верой» в народ, ставший вполне метафизической категорией в их сознании; моральный утилитаризм, плоский «разумный эгоизм», заимствованный еще у французских просветителей, – с религиозным пафосом героизма (что-

бы «душу положить за други своя»))» [12, с. 239]. Раскрывая сущность народничества, Н.А. Бердяев писал: «Народничество есть порождение интеллигентского сознания и интеллигентских настроений. Для этого сознания и этих настроений народ есть тайна, в этой тайне скрыта правда, скрыт Бог, перед тайной этой нужно склониться. Это – гетерономное, а не автономное сознание. В основе его лежит бессилие себя ощутить народом и в своей глубине раскрыть Бога и правду. Неясность и «невнятица» в собственной глубине проецируется вовне, в народную стихию. Для тех, которые сами себя сознают народом, народничество лишено всякого смысла. Правда, новая жизнь, Бог раскрываются в собственной глубине, которая есть народная, сверхличная глубина» [7, с. 454]. Эти слова русского философа, написанные уже после русской революции в начале XX века, помогают понять «коренную ложь народничества» как течения действительно очень широкого и претерпевавшего историческую трансформацию. Более того, они дают возможность определить место «почвенничества» как течения в русской духовной жизни, которое только по видимости может быть названо народническим (см., например, книгу В.В. Зеньковского «Русские мыслители и Европа», М., 2005), но не только таковым не является, но и прямо противоположно народничеству. Если от народничества идет линия движения к революции, то почвенничество идейно связано с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, А.С. Хомяковым, братьями Киреевскими и Аксаковыми и далее через А.А. Григорьева и Ф.М. Достоевского к К.Н. Леонтьеву.

В 1856 году А. Григорьев был наиболее близок по своим убеждениям к славянофилам (см. об этом: Б.Ф. Егоров. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. С. 103) и

поэтому он вполне мог бы подписаться под их программными принципами: «Единственная почва для самобытного и полного развития всякого народа есть, конечно, его народность, т. е. ...совокупность его умственных, нравственных и жизненных сил... Народность русская неразрывно соединена с православною верою. Вера – душа всей русской жизни; она же должна определять характер всякой умственной деятельности в нашей родине» (Московские ведомости. 1856, прил. к №27). Однако постепенно отвлеченный культ «народности» перейдет в тяготение к конкретной народной жизни и речь будет идти не о «народности», а о «народе» [см. 11, с. 87].

Понятие народа для почвенников не просто является центральным, но наполняется конкретным содержанием, отличным от того, которое подразумевалось прежде западниками и славянофилами и которое было характерно для народников. «...Славянофильство видит *народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно у *них* связывается с старым боярством), совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России» [1, с. 127], – писал Григорьев Погодину в апреле 1857 года. Он не мог согласиться с такого рода «обрезанием и холощением» народного. Народное – значит общенациональное, потому что для него народ – всегда органическая целостность. Народы никогда не могут «слагаться механически», «они могут быть плохие народы, но никогда не бывают сочиненные народы» [2, с. 257], – повторяет критик. Вот почему он совершенно не приемлет западничество, которое «...упорно стремилось заставить нас повторять чужую жизнь и много-много что рабски продолжать ее в науке и еще в быту общественном, забывая, что в природе вообще нет и не может быть повторений» [6, с. 171].

Обогащению понятия народа способствовала универсалистская установка романтизма, которую разделял Григорьев: «...думать обо всем, и обо всем сразу, о поэзии, политике, истории, причем взятой с предельным размахом и мыслимой широтой, и, наконец, думать обо всем как о целом – об органическом, живом целом, существующем по своим внутренним законам» [13, с. 410]. Народность для романтиков – категория эстетическая. Собираение песен, других проявлений народного творчества давало им возможность прикоснуться к живой народной душе. Собираение и бережное хранение народных песен – дело важнейшее. С этим Григорьев

был вполне согласен. Он посвятил этому вопросу статью «Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны». При этом Григорьев не считал, что народное искусство есть нечто мертвое и абсолютное. Напротив, для него народное искусство, и песня в том числе, явление живое, живущее жизнью органической, т. е. имеющее глубоко коренящиеся связи с прошедшим и сохраняющее элементы прошедшего в видоизмененных формах настоящего. «В мире искусства, – писал критик, – есть такие же допотопные образования и такие же допотопные творения, как в мире органическом. Мысль до своего полного художественного воплощения проходит несколько индийских аватар и потом уже отливается в цельную, соразмерную, живую и могущую жить форму» [2, с. 67]. По этому вопросу русский мыслитель расходился во мнении с романтиками, которые рассматривали народное искусство как творческий праисточник.

По своей сущности народ вечен и неизменен. «Душа развиваться не может. Развивается, то есть обогащается новыми точками зрения и богатством данных, мир ее опыта, мир ее знания» [2, с. 48], – любил повторять мыслитель, поэтому «когда мы говорим здесь о русской сущности, о русской душе, – мы разумеем не сущность народную допетровскую и не сущность послепетровскую, а органическую целость» [2, с. 78]. Столкновение с «другими народными организмами» обогащает опытом и является необходимым условием формирования самобытности, формирования самосознания народа, определения его места среди других европейских народов. Вот почему реформы Петра I имели, по мнению мыслителя, положительное значение и являлись необходимым и законным этапом в русской истории. По этому вопросу Григорьев расходился во мнении и со славянофилами и с западниками. Для западников реформы Петра I важны, потому что благодаря им русские наконец вошли «в круг мировой общечеловеческой жизни». Но с этой истиной, по мнению Григорьева, никто и не спорит. Другое дело, что западники не критически оценивали Петровские реформы, не обращали внимания «...на разоблачения ее несостоятельности в началах и последствиях, несостоятельности, за которую, – отмечает Григорьев, – мы и наше время являемся неоплатными должниками» [6, с. 170]. Кроме того, западники упорно отрицали «права нашей народной особенности» в этой общей мировой жизни и ее вклад в «мировое движение», которые есть у

каждого племени. «А тут перед ним (западничеством. – Т. П.) было не какое-либо видовое племя, а целый особый отдел индоевропейской расы – славянство, отдел столь же значительный и древний, как эллинство или его любимое германство», – замечает Григорьев [6, с. 171]. Причина такого пренебрежительного отношения западников к родному быту, истории, народному творчеству, литературе заключается в слепом следовании заимствованной у германцев теории «прогресса», которую они пытаются наложить на реальную историю своих предков и живую жизнь современников. Все, что не соответствует «условному идеалу образованности и нравственности» этой теории, ими отрицается.

Заложниками теории, по мнению мыслителя, оказались и славянофилы. Они тщательно изучали историю, родной быт, слепо верили в народную жизнь, но сущность ее так и не поняли. При этом, как пишет Григорьев, славянофилы дошли «...до теории, что наша жизнь совсем иная жизнь, совсем особенная, ничего общего с западной жизнью не имеющая, управляемая совершенно новыми, никем еще не раскрытыми таинственными законами, особыми, новыми нравственными понятиями» [6, с. 173]. Отсюда следовало, что реформы Петра имели только вредное значение, не были необходимым итогом собственного развития. Оправдывая А.С. Хомякова и И.В. Киреевского перед их недобросовестными последователями, Григорьев отмечал, что оба благородных представителя славянофильства не были чужды понимания красоты и величия идеалов западной жизни. Они только верили в прекрасное будущее, которое еще только должно «родиться из доселе неведомой, доселе как бы под спудом лежавшей жизни». «Покойный Хомяков говорил часто, что Англия – лучшее из *существующих* государств, а славянство – лучшее из *возможных*, да вслед за тем с злою и грустною иронией прибавлял всегда, что, может быть, так оно и останется лучшим из возможных» [6, с. 173].

Григорьев разделял мысль о том, что русский народ – народ новый, позже других вошедший в мировую общечеловеческую жизнь. Но это не значит, что у русского народа нет прошлого. Напротив, по Григорьеву, «...до 1836 года никто из писателей и поэтов, от Ломоносова до Пушкина включительно, не сомневался в нашей народности, то есть в том, что мы известная народность, особенность, самость. XVIII столетие в Европе вообще чуждалось вопроса о народно-

стях, проникнутое верою в прогресс и в отвлеченное человечество; но об нас даже и этого сказать нельзя. Как племя совершенно новое, только что вошедшее в общемировую жизнь, мы более или менее сознавали себя новым и особым племенем» [6, с. 177]. И далее: «Такое спокойное отношение наше к нашей народности в XVIII веке вовсе, впрочем, не должно быть вменено нам в какую-то особенную заслугу, и тем еще менее, конечно, следует из этого, чтобы мы опередили остальную Европу в духовном развитии. Этот вывод был бы очень лестен для нашей народной гордости, но мало справедлив.

Значит это просто, что мы были племя еще новое, еще свежее, еще, говоря по необходимости философским языком, не вышедшее из своей непосредственности» [6, с. 178-179].

В будущее русского народа Григорьев верил твердо. Эта уверенность основывалась и на признании тех возможностей, которыми богато православие как духовная основа культуры народа, и на вере в саму жизнь народа, в которой есть и хорошее и плохое, но нет ничего случайного, привнесенного. В жизни старое тесно связано с новым, прошлое с настоящим, а настоящее является залогом будущего. Вот поэтому-то и реформы Петра не явились чем-то совершенно неожиданным, неожиданным настолько, чтобы разом разбить русскую историю на мир допетровский и мир послепетровской жизни. Каждый народ – живой организм, и, как всякий организм, все, что является ему чуждым, отвергает. Но, как всякий живой организм, народ развивается, формируется его самосознание. Какова жизнь «народного организма», таков и уровень его самосознания. Почти первобытными формам жизни соответствовали «допотопные» формы народной песни, сказки, потому что именно они и являлись почти единственными формами самосознания народа. Но по мере естественного развития народа совершенствуются и его формы самопознания. Появляется великая русская литература.

Григорьев дает следующее определение народа: «Под именем народа, в обширном смысле, разумеется целая народная личность, собирательное лицо, слагающееся из черт всех слоев народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных, слагающееся, разумеется, не механически, а органически, носящее общую, типическую, характерную физиономию, физическую и нравственную, отличающую его от других, подобных ему собира-

тельных лиц» [2, с. 257]. Здесь важно именно стремление говорить обо *всем* народе, а не только о крестьянстве или другой его части, хотя о возможности другого употребления этого понятия мыслитель тоже оговаривается: «Под именем народа в тесном смысле разумеется та часть его, которая наиболее, сравнительно с другими, находится в непосредственном, неразвитом состоянии» [2, с. 257]. Такого рода определения приводят Григорьева к выводу о том, что сам факт существования неразвитой массы в народе, факт разрозненности в народе свидетельствует о том, что «народное развитие шло не путем общим, цельным, а раздвоенным». Как бы то ни было, существование народной литературы в *первом* смысле этого слова свидетельствует о существовании *национальной* литературы и, добавим, о существовании не просто народа, а русского народа как **особой нации**, имеющей свое *миросозерцание*, свои *типы*, свои *эстетические* представления, свой *язык*. При этом *миросозерцание* «...отражает взгляд на жизнь, свойственный *всему* народу, определившийся только с большею точностью, полнотою и, так сказать, художественностью в передовых его слоях»; *язык* – это «...весь общий язык народа, развившийся на основании его коренных этимологических и синтаксических законов, следовательно, не язык *касты*, с одной стороны, не язык *местностей*, с другой»; *формы*, выражающие «...красоту по народному пониманию, выработавшемуся до художественности представления»; и, наконец, *типы* – «...разнообразные, но общие, присущие общему сознанию, сложившиеся целно и полно типы или стороны народной личности» [2, с. 257]. Себя и своих единомышленников Григорьев отождествляет с народом: «Мы не ученый кружок, как славянофильство и западничество: мы – народ» [1, с. 127-128]. Это принципиальная установка, позволяющая почвенникам избежать лжи народничества, которая, по словам Н.А. Бердяева, заключается в том, что «оно поклоняется массовой стихии вместо духа» [7, с. 454], не находя в себе силы ощутить себя народом и в «собственной глубине раскрыть Бога и правду». Идеализировал ли Григорьев народ? Скорее нет. Григорьев обращает внимание на существование и особенности различных социальных групп. Так, по его мнению, купечество и мещанство не сдавлены, подобно крестьянам или дворянам, материальным бытом и сословными предрассудками, поэтому они развились «на свободе, широко, воль-

но» [5, с. 118]. И если существование «неразвитой массы в народе» говорит о болезненном в известной степени состоянии общественного организма, то появление «передовых слоев народа», под которыми Григорьев имеет в виду «...не касты и не слои случайно выдвинувшиеся, а верхи самосущного народного развития, ростки, которые сама из себя дала жизнь народа», говорит о том, что этот процесс народного развития есть процесс органический, а не механический [2, с. 257]. В целом, по мнению критика, «в живом, свежем и органическом теле народа» «существенной разрозненности» нет. Существование же сословий естественно для любого общества. Таким образом, категория народа у Григорьева – категория эстетическая, но одновременно и нравственная, и историческая, и социальная.

Если народ – целостная личность, то у него, как всякой личности, есть душа. Определить ее особенности – задача сложная, но необходимая. В ней заключается ключ к пониманию всей национальной культуры, но через культуру душа народа только и может быть понята. Выразителем души народа является человек искусства, художник, поскольку только ему удастся отобразить типическое – самобытное, оригинальное, при этом характерное не только для определенного места и времени, но и выходящее за рамки узкого региона и момента, т. е. общенациональное. Действительно, если искусство творится по душевной мере художника, который «...принадлежит к известному типу и сам есть полнейшее или одно из полнейших выражений типа» [2, с. 43], значит, художественное произведение, им создаваемое, всегда есть выражение этого типического, национального. «Все истинное великое есть *душевное*, будет ли оно итальянское в разных его оттенках, испанское, фламандское или немецкое» [1, с. 203].

На протяжении всей своей жизни Григорьев искал художника-пророка, художника-проповедника, чье бы творчество наиболее полно выражало русские национальные начала. В сороковые годы таким идеалом был Н.В. Гоголь, в период «молодой редакции» «Москвитянина» – А.Н. Островский и, наконец, до самой смерти критика – А.С. Пушкин. Творчеству первых двух писателей критик посвятил немало замечательных статей. Творчество Гоголя Григорьев ставил очень высоко, но потом разочаровался в своем кумире. Во-первых, по причине подозрительности к «хохлатскому» началу в нем, во-

вторых, за напряженность и мучительность метаний, за отсутствие искренности и простоты. Другое дело А.Н. Островский. Хотя последний и рассматривал национальное на материале из жизни русского купечества, мещанства, Григорьева это не смущало, так как и он считал, что купечество – сословие, наиболее глубоко отражающее общенациональные начала. «У Островского, одного в настоящую эпоху литературную, есть свое прочное, новое и вместе идеальное мирозерцание, с особенным оттенком, обусловленным как данными эпохи, так, может быть, и данными природы самого поэта. Этот оттенок мы назовем, нисколько не колеблясь, коренным русским мирозерцанием, здоровым и спокойным, юмористическим без болезненности, прямым без увлечений в ту или другую крайность, идеальным, наконец, в справедливом смысле идеализма, без фальшивой грандиозности или столько же фальшивой сентиментальности». Островский был близким другом Григорьева, но это не помешало критику вскоре увидеть недостаток «примеси африканской крови к нашей великорусской» [1, с. 265] в своем любимом авторе. Этот недостаток мешает выразить то «хищное», тревожное начало, которое уравнивает «спокойное», так хорошо передаваемое Островским. Коренными чертами русской природы А. Григорьев считает: отходчивость сердца, отсутствие упорства в злобе, всегдашнюю готовность к примирению, веру в Промысел («Окружное послание о правилах отношений критики «Москвитянина» к литературе русской и иностранной, современной и старой»).

И все же самым гениальным выразителем русского национального характера, по мнению Григорьева, является Пушкин. «Пушкин – наше все: Пушкин – представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим *душевным, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами. *Пушкин* – пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, – все то, что принять следует, отбрасывавший все, что отбросить следует, полный и цельный ...образ народной нашей сущности» [2, с. 78].

Русская душа, по мнению мыслителя, представляет «органическую целость» и «типовую самостоятельность», но при этом она способна при столкновении с «другими народными орга-

низмами» воспринимать в себя родственные элементы и отрицать чуждые и враждебные [см. 2, с. 78-79]. Григорьев, не уставая, говорит о богатстве русской души. В ней есть все: и «тревожно-романтическое начало», и «юмор здравого рассудка», и «страстность», и «северная рефлексия». Это богатство определит особенность русского национального характера, в котором Григорьев выделит «две силы: стремительную и осаживающую» [1, с. 160]. Исключительной, особенной способностью русского ума Григорьев называет комизм. «Способность одинаково сильная во все времена – у Даниила Заточника столько же, как у Дениса Фонвизина» [6, с. 187], – отмечает критик.

Пристальное внимание мыслителя к проблемам национального в период после 1855–1856 годов приводит, по мнению Б.Ф. Егорова, к тому, что «...в высказываниях Григорьева появляются даже нотки национализма» [9, с. 185], когда критик рассуждает о «превосходстве начала великорусского над прочими». Действительно, Григорьев часто обращался к характеристикам национального характера разных народов, и не всегда эти характеристики положительны. Особенно путешествие по Европе, предпринятое в 1857–1858 годах, дало ему возможность наблюдать и сравнивать черты характеров славянских народов, немцев, итальянцев, евреев, французов, англичан и т. д. Критик пишет в своих письмах к друзьям о «мизерности» и «тупоумии» европейцев, о пошлости и мелочности их жизни, но он замечает и другое: что «итальянцы – народ страстный», что знакомый англичанин – «честнейший и добрейший господин». И хотя и соглашается с П.М. Садовским, «...что он *непосредственно* прав в том, что нагло плюет на все не русское» [1, с. 145], но социально-политического смысла своим словам не придает. Григорьева интересует искусство и только искусство. Убеденный, что «искусство есть дело серьезное, дело народное» [2, с. 298], критик старается доказать это своим оппонентам: «Кстати, помните ли Вы замечательную вещь: Мадонну Альбрехта Дюрера?.. Вот я бы тех господ, которые говорят, что в искусстве нет *народности*, привел перед нее, да и поставил – и указал бы на ее чисто *германскую* девственность и на Христа-младенца с огромно-развитым лбом, будущего Шеллинга или Гегеля (Уффици). Кстати бы тоже подвел их к Santa Famiglia Рубенса, где Мадонна есть идеальная квинт-эссенция той голландки, которая некогда прода-

вала вафли в Москве и в Петербурге» [1, с. 151]. Величайшие образцы национального искусства европейских народов приводят Григорьева в восторг – будь то Миланский собор, Мадонна Мурильо, музыка Бетховена или «жидовская» музыка Мейербера и Мендельсона. Хотя, убежден мыслитель, европейская культура, основанная на католицизме, – «великолепное здание, поросшее мохом». Великое искусство создается великим народом, и европейские народы уже внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Но будущее, по Григорьеву, за русской культурой: «Все прогнило, кроме нового начала жизни, которое мы называем *русским*», – пишет он. Например, он подчеркивает, что современные большие поэты появляются в России. Поэтому нет ничего неожиданного в характеристике Т.Г. Шевченко как «первого великого поэта новой великой литературы славянского мира» и в признании права каждой нации «на самобытность существования», на свой язык, свою культуру в статье 1863 года «Вопрос о национальности».

В искусстве и, конечно, в русской литературе русские люди в их наиболее общих определениях, в их существенных чертах являются как типы. В жизни Григорьева большое место также занимает анализ души человеческой. О характеристиках, которые Григорьев давал своим друзьям и известным писателям, уже говорилось. Но не менее интересна личность самого мыслителя. Хотя современники Григорьева не оставили значительных воспоминаний о нем, мало кто не отметил противоречивости и глубины его натуры. Друзья ценили его за искренность и доброту, но не выносили за безалаберность и запойное пьянство. Работодатели отмечали бесспорный талант Григорьева, его разностороннюю образованность, работоспособность, но и нежелание идти на компромисс и частую необязательность. Отсюда – его бесконечные странствия по редакциям журналов. Ф.М. Достоевский (уже после смерти Григорьева) писал: «Я полагаю, что Григорьев не мог бы ужитья вполне спокойно ни в одной редакции в мире» («Биография, письма...», с. 212). «Размашистая до беспутства широта русской натуры», – написал критик в одной из своих работ [2, с. 261]. И если таковая действительно типична для русского человека, то Григорьев является безусловно типичным его представителем. Неслучайно Ф.М. Достоевский избрал его в качестве прототипа для своего Дмитрия Карамазова, которому вложил в уста слова о ши-

роте души человека: «Нет, широк человек, слишком широк, я бы сузил. Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... В содоме красота и сидит для огромного большинства людей – знал ли ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [7, с. 100].

И.С. Тургенев, познакомившийся с Григорьевым за границей, использовал некоторые факты биографии Григорьева для биографии Лаврецкого в романе «Дворянское гнездо». Великие писатели разглядели в нем характерно русское, истинно русское. Он и сам отдавал себе отчет в этом, характеризуя себя словами: «Как истинно русский человек, то есть как смесь фанатика с ерником...» [1, с. 153]. И в личной жизни Григорьев не был вполне счастлив. Имея хорошую внешность, будучи интересным собеседником, Григорьев, тем не менее, не пользовался успехом у женщин. Его любовь к А.Ф. Корш, а в середине пятидесятых годов по-настоящему сильная любовь к Л.Я. Визард остались безответными. Семейная жизнь тоже не сложилась: Григорьев жаловался на измены своей жены Л.Ф. Корш. Семья, в которой были дети, фактически распалась. Что же было причиной этих неудач? Исследователи творчества Григорьева обращают внимание на очень характерную черту его натуры – то, что В.В. Розанов позже назовет «вечно-бабьим» в русской душе. «Григорьеву, видно, не хватало мужественных начал: твердости, прочности чувств, силы воли, способности быть всегда опорой ближнему, наконец, той самой ответственности... Зато Григорьев был полон «женственных» свойств: зыбкость и экзальтированность чувств, слабоволие, быстрое подпадание под чужое влияние...» [10, с. 39]. Очевидно, догадываясь о слабости своей натуры, Григорьев совсем уж по-бабьи жаловался на свою судьбу: «В том-то и беда великая, в том-то и «горе-зло-счастье» всей моей жизни, что я все, совершенно все понимаю, – и ничего, совершенно ничего не произвожу» («Безвыходное положение»). Конечно, такая самоуничижительная оценка несправедлива. Действительно, увлекающийся до фанатизма, человек больших страстей и глубоких мыслей, Григорьев оставил нам прекрасные стихи и поэмы, замечательный автобиографический очерк «Мои литературные и нравственные скитальчества», письма и большое количество статей. Творческое наследие и личность

автора неотделимы друг от друга. В отношении к Григорьеву это особенно верно. К.Н. Леонтьев дал восторженную оценку статьям Аполлона Григорьева, противопоставив его Белинскому. Придет время, отмечал К.Н. Леонтьев, когда поймут, что мы должны гордиться им

более, чем Белинским, ибо если перевести и Григорьева, и Белинского на один из западных языков, то Григорьев показался бы более русским, чем Белинский, который был «не что иное, как талантливый прилагательный европейский идей к нашей литературе».

19.10.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Григорьев Аполлон. Письма / Аполлон Григорьев. – М.: Наука, 1999.
2. Григорьев А.А. Искусство и нравственность / А. А. Григорьев. – М.: Современник, 1986.
3. Григорьев А.А. Поэзия. Проза. Воспоминания. Фет А. А. Поэзия. Проза. Воспоминания / А. А. Григорьев. – М.: Слово/ Slovo, 2000.
4. Григорьев А. Вопрос о национальностях // Якорь. – 1863. – №5.
5. Григорьев А. Замечания об отношении современной критики к искусству // Москвитянин. – 1855. – №13-14.
6. Григорьев Аполлон. Эстетика и критика / Аполлон Григорьев. – М.: Искусство, 1980.
7. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 14. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Художественная литература, 1976.
9. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века / Б. Ф. Егоров. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1982.
10. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев / Б.Ф. Егоров. – М.: Молодая гвардия, 2000.
11. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. – М.: Республика, 2005.
12. Хомяков М. Б. Проблема толерантности в христианской философии / М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
13. Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Михайлов А. В. Эстетика немецких романтиков. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006.

Сведения об авторе: **Писарчик Татьяна Петровна**, доцент кафедры истории философии Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2309, тел. (3532) 372573, e-mail: leonidtp@yandex.ru

UDC 1(091): 947**Pisarchik T.P.****A.A. GRIGORIEV ABOUT CHARACTER FEATURES OF RUSSIAN PEOPLE**

Opinion of the Russian thinker of the middle of XIX century Apollon Grigoriev about the process of the Russian people forming as a special nation is regarded in this article. The character of the Russian people according to the opinion of the thinker was formed during centuries-old history and got expression in the richest culture and art. Grigoriev marked following features of the Russian people character: easily appeased heart, absence of persistence at spite, constant readiness to reconciliation, faith into Trade and others.

Key words: national character, national personality, nation, distinctive culture, soul of people, Orthodoxy, spiritual life.

Bibliography:

1. Grigoriev A.A. Letters. – М.: Nauka, 1999.
2. Grigoriev A.A. Arts and morality. – М.: Iskusstvo, 1986.
3. Grigoriev A.A. Fet A. Poetry. Prose. Memorials. – М.: Slovo, 2000.
4. Grigoriev A.A. The Question of Nationalities // Yakor. – 1863. – № 5.
5. Grigoriev A.A. Notices of Relations of Modern Criticism to Arts // Moskvityanin. – 1855. – № 13 – 14.
6. Grigoriev A.A. Aesthetics and criticism. – М.: Iskusstvo, 1980.
7. Berdyaev N.A. The Philosophy of Creativity, Culture and Arts. In 2 volumes. Volume 2. – М.: Iskusstvo, 1994.
8. Dostoevski F.M. The Complete Works. In 30 volumes. Volume 14. – L.: Hudozhestvennaya Literatura, 1976.
9. Egorov B.F. The Vying of Aesthetic Ideas in Russia of The Middle of XIX century. – L.: Iskusstvo, Leningrad Branch, 1982.
10. Egorov B.F. Apollon Grigoriev. – М.: Molodaya Gvardiya, 2000.
11. Senkovski V.V. Russian philosophers and Europe. – М.: «Respublica» Publishing house, 2005.
12. Homyakov M.B. The Problem of Tolerance in Christian Philosophy. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2000.
13. Mihailov A.V. Aesthetic Ideas of German Romanticism // Mihailov A.V. German Romantists' Aesthetic. – SPb.: Saint Petersburg University Publishing House, 2006.